

"ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА" В СОЧИНЕНИЯХ
КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Иштван Феринц
/Сегед/

Как известно, в литературном наследии Кирилла Туровского центральное место занимают речи /"слова"/. До нас дошло восемь "слов" Кирилла, бесспорно ему принадлежащих. Две из них /"в неделю Цветоносную" и "на Воснесение"/ написаны на двенадцатые праздники, а все остальные — на воскресные дни первого круга недель церковного года, начиная от пасхи и до пятидесятницы. Речи Кирилла Туровского представляют собой произведения риторического искусства и каждая речь у него в строгом соответствии с правилами красноречия четко делится на три части: вступление, часть повествовательную и заключение. Следовательно, вступление является обязательным элементом ораторской речи, давно узаконенным и теорией, и практикой торжественного красноречия. Его назначение — "открыть" речь, привлечь к ней внимание, наметить задачу, которую ставит себе оратор. Благодаря изучению ораторского искусства Кирилла Туровского И. П. Ереминым¹, многие художественные особенности вступлений к "словам" уже выявлены.

Читая и перечитывая сочинения Кирилла Туровского, читатель невольно обращает внимание на то, что в вступлениях, невеликих по объему, первые строки которых часто носят афористический характер и имеют симметричную форму, автор часто говорит о празднике, называя его духовной красотой, о "строителях церкви", которые помогают понять вечный смысл христианского праздника и о значении книжного знания.

В настоящем докладе мы попытаемся коротко рассмотреть какое значение Кирилл Туровский придает этим моментам, тем самым попытаемся осветить его эстетическую позицию по этим вопросам.

Так как речи Кирилла Туровского предназначались для произнесения в храме, в торжественной обстановке праздничного богослужения, составляя часть праздничной литургии, то автор старался каждой строкой своих речей создать атмосферу праздничного ликования. Не случайно, что почти половина речей Кирилла открывается следующими или подобными им словами: "радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради праздника"². Или в "Слове о снятии тела Христова и о мироносицах" читаем: "Праздник от праздника честиѣй приспѣл есть, подавая благодать божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жньчюгомь, съ многоцѣннымь каменьемь, веселять зрящих на ня очи, — нъ паче сих духовная нам красота, праздници святии веселяще вѣрных сердца и душа освящающее"³.

Известно, что Кирилл Туровский принадлежал к тому направлению христианской богословской мысли, представители которого, комментируя тот или иной библейский текст, задачу свою усматривали в том, чтобы вскрыть его "истинный", "сокровенный" смысл, его иносказательный подтекст; ту же цель ставил и Кирилл Туровский. При этом он "переводил" не только текст в целом, но и каждую его часть из одного плана в другой — иносказательный, аллегорический. Этот "перевод" текста требовал, во-первых, изобретательности и больших познаний в богословской литературе, во-вторых, этот "перевод" текста проливает свет на понимание места описываемых евангельских событий в настоящем. С точки зрения древнерусского автора, в мире существует вечная соотнесенность двух миров — божественного и земного. Земной, временный мир имеет вневременный, надмир-

ный смысл. В событиях священной истории — Ветхого и Нового заветов — автором "слов" обнаруживаются непреходящие явления, как бы живущие вечно, повторяющиеся в ежегодном круговороте праздников. Таким образом ветхозаветные и новозаветные события занимают особое место в системе времени средневекового сознания Кирилла. Хотя они относятся к прошлому, но в каком-то отношении они одновременно являются и фактами настоящего. Значит, христианские праздники — это не только память о событиях священной истории, о святых. События вновь и вновь совершаются ежегодно в одно и то же время. Они не исчезли, они существуют в вечном мире и продолжают существовать во временном календаре. Поэтому христианское богослужение не только их "вспоминает, но считает совершающимися в момент празднества и даже частично их воспроизводит"⁴. Именно о таком понимании смысла праздника свидетельствуют "слова" Кирилла Туровского. Пересказывая описываемое евангельское событие, Кирилл обычно большой настойчивостью подчеркивает в своих проповедях, что все совершающееся — совершается сейчас, в данный день и данный момент. Глаголы Кирилл систематически употребляет в настоящем времени и отдельные эпизоды повествования /т. е. тирады/ начинает словами "днесь", "ныне". Именно поэтому важно для христианина принять участие в литургии, ведь так он может стать участником празднуемого события. Есть случаи, когда Кирилл в начале речи прямо приглашает слушателей пойти вместе с ним и стать участниками славимого события. "Поидѣм же и мы нынѣ, братие, на гору Елеонскую умошь и узрим мысленно вся преславная, створившаяся на ней!"⁵

Для средневекового человека — как на это обратил внимание Д. С. Лихачев — "события священной истории придают смысл событиям, совершающимся в настоящем, они объясняют состо-

яние вселенной и положение человечества относительно бога. События эти совершались под знаком "вечности и поэтому продолжают существовать и вновь совершаться"⁶. Ближайшую параллель к такому пониманию смысла праздника, нам кажется, можно наблюдать на иконе, изображающей праздник. Икона, изображающая "праздник", была лишена драматичности действия, она должна была создавать образ вечного созерцания первособытия, когда-то свершившегося и как бы проецирующегося в настоящее. Иконы постоянно повторяли одну и ту же композиционную схему именно для того, чтобы снять различие между единичностью когда-то совершившегося и его вечным сущностным смыслом, благодаря этому должен был исчезнуть разрыв между "сейчас" и "всегда", между моментом человеческого времени и вечностью. Ту же самую цель ставил в своих "Словах" Кирилл Туровский. В каждом из своих "Слов" он напоминал слушателям о "вечном смысле" происходящего праздника. Кирилл Туровский приглашал своих слушателей воспарить умом и сердцем, взглянуть на совершающийся праздник как на своего рода вечное действие, существующее "ныне и присно".

Однако, духовные сокровища не лежат на поверхности явлений, они скрыты. На это указывает основная тема предисловия к "Слову в неделю цветоносную" — : "Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна богатства". Характеризуя поэтический стиль Кирилла Туровского, профессор В. В. Колесов тщательно разбирает эти строки: "Общее значение первой, трижды обоснованное в подтексте и вместе с тем связанное с традиционным текстом, — сокровища /скрытое/; общий смысл второй триады — откровенно /открыто/, третьей — богатство. Итак, сокровища открыто, /и это/ богатство — христианская пасха не в пример иудейской"⁷.

Здесь Кирилл Туровский вводит прием символического параллелизма Ветхого и Нового заветов, т. е. истолкование

образов Ветхого завета через образы Нового завета, Этот прием осознавался древнерусским ритором как один из основных приемов структурной организации текста его сочинений.

Праздник, как мы видели, это разрыв человеческого времени, это окно в вечность. Праздник доставляет божию благодать святой церкви. Отсюда понятен радостный характер "Слов" Кирилла и понятно, почему древнерусский автор, подчеркивая этот радостный характер праздников, сравнивает их с блеском золотых цепей, унизанных жемчугом, и с драгоценным камнем. Следовательно, Кирилл не отрицает красоту вещей материального мира, что они "радуют очи глядящих на них", но красоту праздников — духовную красоту — естественно ставит выше, соответственно средневековой эстетике.

Чрезвычайно большое значение Кирилл Туровский придает книжному знанию, напр., в "Притче о человеческой душе и теле". Он пишет: "Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественных писаний учение: се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смирению прилагаетъ ум, и сердце на реть добродѣтели извоостряеть, и всего благодарьствена челоувѣка стваряеть, и на небеса ко владычнимъ общаниемъ мысль приводить, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатства творить, и всея житискыя свѣта сего печали отводить... Сладко бо медвеный сотъ и добро сахаръ, обоего же добрѣе книгий разум: сия убо суть скровища вѣчныя жизни"⁸.

Здесь Кирилл Туровский идет, как нам кажется, по стопам Кирилла Философа, который в "Прогласе к переводу Евангелия" писал: "Душа безбуквна мртва являет ся в чловѣцѣхъ" и первых поколений болгарских и русских писателей, задача которых по определению А. М. Панченко заключалась в "освобождении слова"⁹. Однако Кирилл Туровский в XII в. свою задачу усматривал в вскрытии, разъяснении "истинного", "сокровенного" смысла библейского текста. Если первые славянские писатели исходили из истины: владение Словом есть жизнь, то для Кирилла

владеть Словом означало понять смысл Писания: с рассуждением вчитавшись в него и постараться делом исполнить. Ведь слово звучит не всуе в том случае, когда оно сопровождается /или предваряется/ делом. Принципом этого здесь служит Христос. В "Слове о расслабленном" пишет: "его же ныня Христос, благый человекколюбець, словом ицѣли: врачъ бо есть душам нашим и тѣлом, и слово его дѣлом бысть"¹⁰. По мнению Кирилла, ум, нашедший сокровище священных книг, ум истинный, размышляющий — обязан брать на себя апостольство, это его долг. Значит, ум истинный, размышляющий не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему. Ведь по евангельской притче "всякий книжник, познавший царство небесное, подобен мужу домовитому, который из сокровищ своих раздает и старое и новое, если же от тщеславия — дерзко скрывает серебро господина, не пустив его в оборот при жизни, чтобы удвоить царское серебро — человеческие души, то, узря горделивый его ум, возьмет господь от него свой талант"¹¹.

В связи с этим возникает проблема учительства. Кирилл Туровский подчеркивает, что "велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника, что для сложения душеполезных словес надо иметь огонь святого духа". Кирилл называет "искусными строителями и церковными учителями" тех, кто "върою и чистотою ближнии богу створишася и приемлють святого духа благодатью различныя дари ученью, с ицѣлению по мѣрѣ дара Христова"¹². А он себя при этом вставляет в положение нищего: "мы же нищи есмы словом и мутни умом". В этих строках слышится апофеоз продолжающегося апостольства, учительства, здесь сформулированы критерии, предпосылки этой деятельности: вера, чистота, разум требуются от тех, кто хочет людей наставлять на правый путь.

А что касается самоунижительной формулы "мы нищи есмы словом", то она во-первых этикетный мотив, который, однако, как убедительно показал Курциус, а в отношении к Иоанну Эк-

зарху на это обратил внимание А. М. Панченко, в сущности имеет отношение не столько к проблеме смирения, сколько к проблеме благочестия.

Ведь писатель, унижающий себя перед богом и перед великими учителями, тем самым подчеркивает свою зависимость от них, незримую связь с ними, т. е. мысль, что он писатель "божьей милостью", который шествует вослед великих учителей.

В заключение хочется сказать, что даже такой неглубокий анализ показывает, что эстетическая позиция Кирилла Туровского по отношению к духовным сокровищам относится к лучшим традициям раннего славянского учительства и выдвигаемые оратором XII в. эстетические ценности заслуживают внимания и в наше время.

Сноски

- 1 И. П. Еремин: Ораторское искусство Кирилла Туровского. В кн.: И. П. Еремин: Литература Древней Руси /этюды и характеристики/ М.-Л., 1966, стр. 132-143.
- 2 И. П. Еремин: Литературное наследие Кирилла Туровского в ТОДРЛ., т. XIII. стр. 409.
- 3 там же, стр. 419.
- 4 Об этом см.: Д. С. Лихачев: Поэтика древнерусской литературы Л., 1967., стр. 280-286.
- 5 И. П. Еремин: Литературное наследие Кирилла Туровского в ТОДРЛ., XV. стр. 341.
- 6 Д. С. Лихачев: Поэтика древнерусской литературы: Л., 1967., стр. 282.
- 7 В. В. Колесов: К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского. в ТОДРЛ., Л., 1981. т. XXXVI. стр. 47.
- 8 Памятники Литературы Древней Руси, XII в. М., 1980., стр. 290.

- 9 А. М. Панченко: Некоторые эстетические постулаты в "Шестодневе" Иоанна Экзарха. В кн.: Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976., т. I. стр. 32-41.
- 10 См. в ТОДРЛ, т. XV. стр. 331.
- 11 Памятники Литературы Древней Руси, XII в. М., 1980. стр. 291.
- 12 См. в ТОДРЛ. т. XIII. стр. 409.